

ПОКЛОН

К вечеру, как светёлка,
Высветлел небосклон.
Озими за просёлком
Низкий земной поклон.
Лугу ещё и небу,
Речка со мной всегда.
Родине на потребу
Хлебушек и вода.
Помню, как затевала
Хлебушек мать в ночи.
Гущицу подбивала,
Ставила на печи.
Рядом с квашнёю место,
У козушка, и мне.
И поднималось тесто
В старой, как мир, квашне.
Видно, оно хотело
Покинуть обжитый рай –
Тихо в квашне пытело,
Силилось через край...
Этот обряд извечен:
Сколько в рядок домов –
Столько в них русских печек,
Столько с утра дымов.
Бабушки ли, молодки –
Затемно не прилечь:
Тесто – на сковородки
И на ухвате – в печь.
Русь ты моя святая
В утренний час страдной!..
И над седым витает
Запах его родной.
С ним даже в холод лютый
Много теплее в дому...

В благостный час приюта
Руки тяну к нему,
Корочкой припечённой
Душу свою погреть –
Предками освящённый
И отводивший смерть.
Родину, как светёлку,
Высветлил небосклон.
Озими за просёлком
Низкий земной поклон.

* * *

Нам не пашется и не косится,
А погода стоит – коси!
Только в руки коса не просится,
Да и нас теперь не проси.
Не скажу, что вина Всевышнего,
Только с пойменного лужка
Сколько лет не видать за вишнями
Ни копёнки и ни стожка.
Говорят, что страна не в голоде,
И, с надеждою на авось,
Вся деревня живёт как в городе,
Ей вовеки так не жилось.
Не ломает в работе спину,
Дом – ни печки и ни сверчка.
А хозяйки из магазина
То сметанки, то молочка.
Нам не косится и не пашется,
Ни оглобли и ни дуги.
И в навозе уже не мажутся
Их фартовые сапоги.
Как по лесу, всё шли-аукали,
А народ – оторви да брось;
И какую страну профукали,
Понадеявшись на авось.

* * *

Карнизы разукрашены сосульками,
Ещё под снегом мёрзлая земля,
Но скоро под окном капель забулькает
И задымят, в проталинах, поля.
И первый грач, присев на огороде,
Легко откроет тёплую зарю.
И я о власти местной, о погоде,
Потом о птичьей с ним поговорю.
Трудяга он – судить по жизни строго,
Покажется, что чуточку охрип.
Я думать буду... точно, да – дорогой
Он прихватил тот самый птичий грипп.
И что ему дорожные затраты!
Он дом себе построит в первый день.
Покарав и на кризис, и на Штаты,
И даже на законный бюллетень.
А для грачей одна навеки смета –
Чтобы весну на родину несли...
И вот опять душа моя согрета:
Я вижу, как сосульки подросли.

* * *

Серебряный месяц в медвяных покосах
На облачке выплыл за лес.
И первые звёзды посеял, как просо,
По синему полю небес.
Затихли за дальней межой коростели,
Устало уснули шмели.
А лёгкий туманец всё стелет и стелет
Постель на просторах земли.
На всём безмятежном усталость и нега,
И кажется мне перед сном,
Как будто плывём все мы с Ноем в ковчеге
В безбрежном пространстве земном.

* * *

Я так давно не спал на свежем сене.
Куда нас время ветром унесло –
В сенном сарае балки все просели,
Подгнившие ворота повело.
Сарай пустой: всё тот же ветер века
Унёс отсюда луга аромат.
А будет ему осенью полвека,
И он стоит за вишнями калеккой,
И главное: ни в чём не виноват.
Таких, как он, сараев здесь не много;
Спеша к деревне до большой грозы,
Давно уже не катят по дорогам
С лугов цветущих конные возы.

А мы в другую въехали эпоху,
В музей Валеркин сдан последний кнут.
Теперь никто Петруху и Алёху
За лень их в сенокос не упрекнут.
Я с грустью думать буду о мальчишках:
В наследство им название одно;
О сенокосе прочитают они в книжках,
Увидят лишь по «телеку», в кино.
А мир живёт и не обескуражен,
Глотающий космическую пыль.
За внуков мне обидно будет даже:
Ведь сенокос – не сказка, это быль.
И луг цветёт, пока ещё не в тлене,
Он по утрам купается в росе...
Я так давно не спал на свежем сене,
А внуки наши не поспят совсем.

* * *

Гуси греются на соломе.
Три ракитины у моста.
Хорошо! И в отцовском доме
Мне пожить бы годов до ста.
Как, допустим, мой дед Григорий:
Жил в угоду своей судьбе,
То без горя, то, глянеть, горе,
Как хозяйка, в его избе.
Жил, где всё для него родное;
В хате – печь, а в печи – горшок.
И будил его за стеною
В ночи тёмные петушок.
В ночи тёмные, после святок,
Если жуткий стоял мороз,
У козы забирал козляток
И за печку, погреться, нёс.
От войны – бобылём, без бабки;
Светлой памятью той поры, –
Как наследство нам, – прялки-тяпки
И в зазубринах топоры.
Человек на земле – прохожий,
Вот мой посох, а вот мешок.
И меня будит песней той же
В ночи тёмные петушок.
Поклоняясь земному веку,
Отмеряя свои года,
Слушать вечное «кукареку!»
Не расхочется никогда.
Не мечтал походить я в греки,
Счастья лёгкого не хочу;
Где ещё я и в кои веки
Жизнь такую заполучу.